

Меченые

Автор:

[Алиса Никольская](#)

Меченые

Алиса Никольская

RED. Fiction

Назар – талантливый врач, чей дар исцелять людей поистине уникален. Однако герою придется позабыть о том, что он обладает столь удивительной силой: род женщин-приворотчиц заставляет его похоронить свой дар, связав Назара любовными нитями с затворницей Маврой.

Но Назар и подумать не мог, что его бесценное забытое умение невероятным образом проснется однажды в руках его сына Глеба, который живёт с непреодолимой тягой стать татуировщиком.

Алиса Никольская

Меченые

Пролог

День сегодня выдался необыкновенный: один из тех дней, когда кажется, что солнце светит ярче, чем обычно, воздух пропитан свежестью «семи морей», колокольный звон раздаётся так, словно призывает людей к великим жизненным свершениям, купола церквей утопают в небесной синеве, а прихожане, с их улыбающимися умиротворёнными лицами и ясными глазами, будто навсегда

освободились от непосильной ноши.

Отец Глеб любил прогуливаться в такие дни по территории монастыря. Многим служителям храма и даже прихожанам казалось, что во время этих прогулок ему хочется побыть наедине со своими мыслями, на что он всегда отшучивался и отвечал, что люди на свежем воздухе более разговорчивы и гораздо чаще подходят. Но этот день, похоже, был исключением. Во время его очередного прохода по «цветущим тропам» прихожане лишь встречались с ним взглядами и кротко улыбались либо кивали в знак признания и почитания, но подойти и заговорить желающих, на удивление, не было. В такие редкие дни святой отец любил приходить на отвесный склон, садиться на скамейку, от которой всегда исходил запах свежего дерева, и любоваться удивительным морским пейзажем. Он как будто сидел спиной ко всему миру, и казалось, что где-то на пересечении морской и небесной синевы его взор встречался со взором Господа.

Так было и в этот день: отец Глеб сидел на своей любимой скамейке, погружённый в собственные думы, а его взгляд уже шурился где-то на пересечении моря и неба, как вдруг чья-то рука плавно легла на его плечо. Мужчина ненадолго задержал дыхание, ибо почувствовал самое родное на свете прикосновение – прикосновение руки его единственной дочери. Святой отец, не оборачиваясь, положил свою руку поверх её руки и произнёс:

– Ну, здравствуй, дочка.

После чего они крепко обнялись.

На удивление святого отца, его дочь была не одна. Подле неё стоял парень – прыщавый и долговязый, лет семнадцати, с длинными волосами и в кожаной куртке. Молодой человек явно нервничал, переминаясь с ноги на ногу, и постоянно теребил что-то у себя в руке.

– Я так рада тебя видеть, папа. Извини, что незаметно подкралась. Надеюсь, не напугала?

– Ханна, дорогая, не говори глупостей. На твои выходки у меня уже много лет как крепкий иммунитет.

– Неплохо бы и мне такой же иммунитет на твоё чувство юмора.

Они оба рассмеялись, а молодой человек ещё больше смутился. После недолгой паузы отец Глеб произнёс:

– Я так понимаю, этот молодой человек пришёл с тобой.

– Да, папа. – Ханна утвердительно кивнула. – Его зовут Алексей. Он – мой пациент и очень хороший друг.

– Ну что ж, тогда предлагаю нам троим разместиться здесь. – Мужчина движением головы указал на скамейку.

Ханна села рядом с отцом, а молодой человек, поколебавшись несколько секунд, присел с девушкой, чуть отодвинувшись от неё.

– Итак, я полагаю, твоему другу нужна помощь?

– Да, всё правильно, папа. – Девушка набрала в лёгкие побольше воздуха и с опаской посмотрела на отца. – Лёше нужна татуировка.

Отец нахмурил брови и пристально посмотрел на дочь. Ханна была похожа на каменную статую, даже её глаза застыли в ожидании.

– Ты хочешь попросить моего благословения на это? – произнёс через некоторое время отец Глеб.

В этот момент молодой человек впервые посмотрел святому отцу прямо в глаза. Мужчине удалось разглядеть предмет, который Алексей постоянно теребил у себя в руке. Это было не что иное, как маленький крестик у него на запястье.

– Нет, папа, я хочу, чтобы ты её сделал сам.

Часть первая

Глава 1

Дом Назара и Мавры располагался на юге России. Это было одно из тех уединённых мест, которого не было видно любопытным туристам, проезжающим по узким скалистым дорогам и вечно пристающим к местным жителям с одними и теми же вопросами. Из окон их дома можно было наблюдать один из лучших морских пейзажей во всём Краснодарском крае. Этот вид мог заморозить даже самого капризного художника или писателя, находящихся в постоянном поиске новых источников вдохновения, и, что ни говори, заставить воспрянуть духом самого отчаявшегося человека. Именно после переезда в дом у моря Назар написал своё первое полотно. В противоположной части дома из окон их комнат можно было увидеть горы, величественно простирающиеся вдаль. Если Назар любил находиться в части дома, открывающей ему бескрайние морские просторы, то Мавра, жена Назара, глаз не могла оторвать от горных вершин, особенно во время сильных гроз. Грозы в горах всегда её завораживали. В этом не было ничего удивительного, ведь Мавра была родом из тех мест.

Назар и Мавра переехали в этот дом около четырнадцати лет назад. Их семью можно было считать одной из самых загадочных во всём Краснодарском крае.

Род Назара славился способностью лечить людей от различных болезней, порой даже от самых тяжёлых и, по словам народным, – неизлечимых. Все мужчины, появляющиеся на свет в его роду, становились потомственными лекарями или врачами. Среди местных ходили слухи, что его род практиковал целительство, ибо некоторые случаи чудодейственного выздоровления людей были подобны исцелению от рук высших сил. Сам же Назар, в отличие от своих предков, считался не только лучшим врачом среди коллег, но ещё и получил признание людей благодаря удивительным способностям к рисованию. Многие люди с уверенностью заявляли, что его картины приносят им удачу и даже помогают выявить скрытые таланты.

Что касается Мавры, то её всегда старались обходить стороной. Ходили слухи, что представительницы её рода из поколения в поколение занимались приворотами далеко в горах. Местные жители старались и близко не подходить к тому месту, где располагалась их деревня, ибо женщины в роду Мавры, по слухам, были способны навести порчу, снять которую мало кому было под силу. В народе их называли «отнимающими удачу». К тому же образ жизни, который вела женщина, также наводил на определённые мысли и подозрения. Мавра

никогда не работала. Причём она не была похожа на типичную домохозяйку, которая непременно выкроит минутку-другую, чтобы посидеть с подружками и обсудить какую-либо новость. Она вела скорее затворнический образ жизни. На улицах города Мавру можно было увидеть в сопровождении мужа или дочери Армины либо в гордом одиночестве.

Несмотря на все слухи и разговоры, Назар оберегал жену и детей от всяческих нападков, хотя его дети в защите точно не нуждались. Глеб и Армина, как вода и камень, – полные противоположности по типу личности и характеру, но зато оба имели стержень, своё мнение и способность противостоять нападкам окружающих, как в отношении самих себя, так и в отношении друг друга.

Глеб был во многом похож на отца, но многим и отличался. По жизни он всегда был общительным и отзывчивым парнем, имел много друзей, был душой компании. Девчонки в школе всегда толпами вились подле него. Внимание он любил, и принимал, и брал, но не более того. Ещё с малых лет его сопровождал внутренний зов помогать людям. Назар хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, постоянно увлекая его медициной. Глеб всегда внимательно слушал отца и уже стал перенимать на практике многие его навыки. Но всё же молодой человек чувствовал, что медицина – это не то, чему бы он хотел посвятить жизнь. Гораздо больше его привлекали картины отца. Он часами мог смотреть на них, вглядываясь в каждый мазок, нанесённый на полотно отцовской рукой. Причём и сам Глеб обладал природным талантом к рисованию. Только, в отличие от отца, он любил рисовать в карандаше. Рисунки сына скорее напоминали Назару схематичные наброски для чего-либо, нежели законченные произведения.

Что касается Армины, то она была точной копией матери, но с некоторыми погрешностями. Замкнутая, немногословная, очень избирательная. В свободное время её можно было застать за книжкой по философии, психологии или религии, причём весьма несоответствующей её возрасту. Она так же, как и Мавра, любила горные пейзажи и грозы и не любила многолюдные улицы. Кроме матери, лишь один человек основательно вошёл в её жизнь и занял там определённое место, лишь к его мнению она могла прислушаться и извлечь что-то для себя. Этим человеком был Глеб.

Это было ничем не примечательное утро. Назар, как обычно, собирался на работу со свойственным ему воодушевлением, а Мавра, желая показаться заботливой и примерной женой, готовила ему обед.

– Мавра, дорогая, ты ведь не хочешь, чтобы я лопнул, – смешливо произнёс мужчина, подмигнув при этом своей жене.

– Вовсе нет. Твоя работа просто обязывает тебя нормально питаться. Постоянные стрессы и растрата энергии очень сильно сказываются на здоровье, Назар. Уж тебе ли этого не знать.

– Не переживай за меня так. Ты же знаешь, что моя семья и это место – самые чудодейственные источники восстановления сил и энергии.

Мавра вновь захотела вставить в диалог свой аргумент, но Назар не дал ей этого сделать. Со свойственным ему эффектом неожиданности он прижал жену к себе и страстно поцеловал.

– У меня аж ноги подкосились, – произнесла Мавра, глубоко вздохнув, глядя ему в глаза, – и как тебе всё время это удаётся...

– Это мой большой секрет. – Назар улыбнулся своей ослепительной улыбкой. – Всё, я побежал, – произнёс он, захватив собранный женой обед, и устремился к двери слегка пританцовывающей походкой.

– Вернёшься как обычно? – крикнула ему вслед Мавра, но ответа не последовало.

Мавра подошла к окну и пристально посмотрела на море. О чём думала сейчас эта женщина, суждено было знать только ей самой. И никто не знал, сколько бы продолжалось состояние её телесного оцепенения, если бы не быстрый топот приближающихся знакомых шагов. Мавра слегка тряхнула головой и резко отвернулась от окна, нахмутив при этом брови.

– Море вновь чем-то тебя огорчило? – Глеб стоял напротив неё, облокотившись на край стола, и загадочно улыбался.

– Вовсе нет, – женщина отвела глаза, – я просто задумалась. Собираешься на работу?

– Да, хочу побольше заработать за летние каникулы.

– Интересное обещает быть лето, Глеб. Ты окончил школу, в сентябре поступишь в университет, если, конечно, захочешь пойти по стопам отца, уедешь из дома, начнёшь новую самостоятельную жизнь.

– Да, забавно. Этим летом я уже не здесь, но ещё и не там. Поживём и увидим, что за сюрпризы приготовила мне жизнь. – Глеб повернул голову вправо и с улыбкой посмотрел на море. – Никогда не устану наслаждаться этим прекрасным видом, – произнёс молодой человек после небольшой паузы. – Ладно, мне пора. Хорошего и плодотворного вам с Арминой дня.

– Непременно так и будет, – произнесла Мавра металлическим голосом. – Ты ведь вернёшься к вечеру? – казалось бы, невзначай спросила она.

– Да, сегодня будет много работы. – Еле заметным кивком головы Глеб окончил разговор с Маврой и направился к выходу знакомой пританцовывающей походкой.

– Вылитый отец, – произнесла женщина, стиснув зубы.

* * *

Тем временем Глеб уже спешил к назначенному месту, понимая, что в свой первый рабочий день опаздывать очень даже нежелательно. Последние несколько лет на летних каникулах, а иногда и в учебное время, Глеб со своими друзьями подрабатывал, разгружая машины с продуктами. Работа, разумеется, была не из лёгких, но зато не отнимала много времени, да и деньгами ребят никогда не обижали. Разгружать машины им приходилось в основном либо с утра, либо ближе к вечеру, а свободное время ребята проводили либо на набережной, либо в клубах, либо на пляже с бутылочкой холодного пива.

Сам Глеб не был поклонником клубов и пляжей. Ему скорее был по душе активный отдых. По возможности он любил делать пробежки по утрам или по

вечерам – всё зависело от графика его жизни. Молодой человек всегда старался следить за своим телом, посещая тренажерный зал, если же времени не хватало, Глеб занимался дома. Если бы он только знал, насколько его потное рельефное тело во время интенсивных силовых нагрузок не давало покоя его сестре Армине, которая так и жаждала улучшить момент, когда можно было осторожно приоткрыть дверь в его комнату и не дыша наблюдать за волнующим процессом, в особенности если он сопровождался чуть слышными стонами Глеба, передающими его дыхание.

Первое рабочее утро на каникулах пролетело достаточно быстро и продуктивно. Ребята разгрузили машину на полчаса раньше, чем планировали, и, получив причитающееся им вознаграждение, решили прогуляться по набережной, о которой знали в основном местные жители, дабы не заполнять столь прекрасное место толпами шумных надоедливых туристов.

– Я надеюсь, ты с нами, Глеб, – произнёс Пётр, положив ему руку на плечо.

– Разумеется, он составит нам компанию, – голос Добрыни всегда был очень звонким, а точнее сказать, оглушительным.

– Даже не знаю, ребят. У меня сегодня планы на вечер нарисовались, нужно подготовиться.

– И что же это за планы? Будешь соблазнять очередную сладкую загорелую девочку в своём укромном излюбленном месте, – подколот его Пётр.

– Господи, Глеб, как тебе удаётся всегда брать самое лучшее? – подхватил Добрыня с лёгкой ноткой зависти.

– Нет, ребят. У меня сегодня планы не по этой части. Заказ нарисовался. Клиент хочет делать сегодня вечером.

– Да ты гонишь?! – прокричал удивлённый Добрыня. – А он знает, что ты не профессионал, что у тебя пока всё на любительском уровне? Он готов быть «подопытной крысой»?

– Да, он в курсе, – немного обиженно произнёс Глеб. – И кстати говоря, я нахожусь уже далеко не на любительском уровне. У меня уже было достаточно практики, да и чувствую я себя гораздо более уверенно.

– А руки во время этого не дрожат?! – не унимался взволнованный Добрыня.

– Нет, не дрожат, – спокойно отвечал Глеб, – в этом ремесле с дрожащими руками делать нечего. Если я делаю, то не боюсь и не дрожу. Честно вам скажу, ничто в жизни ещё не делало меня таким уверенным в себе, как то, чем я сейчас занимаюсь.

– А к чему ты хочешь готовиться? – Пётр наконец вступил в диалог. – Ведь все материалы у тебя в мастерской? Или я ошибаюсь?

– Тут дело не в материалах. Эскиз ещё не закончен. Осталось нанести пару штрихов, и хотелось бы ещё заранее продумать некоторые нюансы нанесения, чтобы не тупить на месте.

– А эскиз у тебя с собой? – не унимался Добрыня.

– Да, с собой.

– Вот и прекрасно. Посидишь с нами на набережной и дорисуешь. По-моему, это гораздо лучше, чем одному в мастерской торчать, – подхватил Пётр.

– Ну, это как сказать, – рассмеялся Глеб, – хотя, с другой стороны, может вы и правы. Ладно, пойдёмте на набережную.

Шли они медленным прогулочным шагом около получаса, обсуждая всё на свете и периодически подшучивая друг над другом. По дороге к набережной они постоянно отвлекались на проходящих мимо девушек, бороздя их оценивающими взглядами с головы до ног. Но почти все до одной дамы глаз не могли оторвать от Глеба, не обращая никакого внимания на его друзей.

На набережной ребята любили сидеть в небольшом кафе под навесом. Здесь можно было спрятаться от уже изрядно поднадоевшего краснодарского солнца и вдоволь наговориться в узком кругу друзей. Сегодня молодым людям, на

радость, удалось сесть за их любимый столик. У этого столика была своя маленькая легенда, гласившая о том, что именно на этом месте у ребят проходили самые душевные беседы, которые впоследствии приводили к очень благоприятным решениям, и, конечно же, самые волнительные встречи с прекрасными дамами, которые в основном заканчивались для ребят очень плодотворно, по крайней мере, в отношении Глеба исключений не было никогда.

– Вот, чёрт! – Возмущению Глеба не было предела, когда ребята разместились под навесом за любимым столиком.

– Что такое? – Друзья удивленно на него посмотрели.

– Вы не поверите, я забыл дома эскиз. Только сейчас вспомнил, что доставал его из сумки вчера вечером, чтобы немного доработать, а обратно положить забыл.

– И доработать ты его не успел, – вздохнул раздосадованный Пётр.

– Почти доработал. Я вам уже говорил, осталось нанести пару штрихов. Армина заходила ко мне вчера вечером, хотела поболтать. Я растерялся от неожиданности и на скорую руку затолкал рисунок под кипу бумаг на столе. А утром даже и не вспомнил. С ума сойти.

– Ну ничего себе, – воспрянул духом Добрыня. – И чем же, интересно, тебя так увлекла Армина, что ты забыл обо всём на свете?

– Почему сразу обо всём на свете. Армина действительно уникальный человек. Когда она разговаривает с тобой, то волей-неволей всё твоё внимание сосредотачивается на ней. Армина как будто овладевает твоим сознанием, сковывает подсознание. Я даже толком не могу объяснить свои ощущения, находясь рядом с ней.

– Да, ты, брат, крупно влип. – Пётр смотрел на него во все глаза. – Ты что, влюбился в сестру?

– Не говори ерунды. Любовь тут совсем ни при чём. Я вам говорил о её воздействии на людей.

– А точнее сказать, на тебя, – Пётр не унимался. – А мы с Добрыней всё гадаем, почему у тебя долгое время нет постоянной девушки. А тут, оказывается, вон что вырисовывается.

– Ну, во-первых, постоянной девушки нет, потому что никто по-настоящему не заинтересовал. А во-вторых, что касается моей сестры, то я надеюсь, что вы сейчас же выбросите из головы этот бред и больше никогда не будете мне об этом напоминать.

– Ладно, не горячись. Посмотри, как занервничал. – Добрыня толкнул Петра плечом и с усмешкой на него покосился.

– Ребят, я домой за эскизом. – Глеб поднялся из-за стола, проигнорировав комментарий друга. – Если что, вы знаете, где меня найти.

– Значит, поработаешь в мастерской? – Пётр был явно озадачен.

– Совершенно верно.

Молодые люди обменялись дружескими рукопожатиями, и Глеб, перекинув сумку через плечо, быстрыми шагами устремился в сторону дома, желая поскорее закончить эскиз и приступить к увлекательной работе. На протяжении всего пути в его голове всплывали комментарии Петра и Добрыни по поводу Армины. Глеб пытался всячески отогнать подобного рода мысли, убеждая себя в том, что высказывания его друзей не что иное, как плод их большого воображения. Но чем больше он пытался об этом не думать, тем интенсивнее подступал к его голове поток мыслей о таинственной девушке по имени Армина, которую ему так и не удалось разгадать за прожитые под одной крышей четырнадцать лет.

* * *

Время уже близилось к полудню, когда Глеб отворил дверь родного дома. День выдался достаточно жаркий, поэтому он сперва зашёл на кухню, дабы утолить жажду. Глеб всегда пил достаточно много воды, поэтому его собственные запасы иссякали очень быстро. После этого он сразу же устремился в свою комнату, чтобы забрать эскиз и спокойно доработать его у себя в мастерской.

Поравнявшись с комнатой Армины, Глеб на секунду остановился, поскольку доносившийся оттуда незнакомый женский голос привлёк его внимание. Поколебавшись некоторое время, он подошёл вплотную к двери её комнаты и стал вслушиваться в разговор. Дело в том, что, сколько Глеб себя помнил, Армина никогда никого не приводила в дом, а тем более в свою комнату. Стоя за дверью, Глеб слышал три женских голоса, два из которых принадлежали Армине и Мавре, а третий – тот самый незнакомый, который и привлёк внимание Глеба. Ему удалось различить только несколько слов: «замуж», «смерть» и, кажется, они ещё что-то говорили про какой-то «чёрный приворот», но Глеб не был до конца в этом уверен. Услышав приближающиеся шаги, Глеб резко отпрянул от двери и направился в сторону своей комнаты. Дверь резко отворилась, и молодой человек обернулся.

– Глеб, ты здесь, – удивлённо произнесла Мавра.

– Да, забыл кое-что в комнате. – Глеб уловил испуг и смятение на лице Мавры. Армина тоже заметно нервничала. – Я только возьму книгу и пойду на набережную готовиться к экзаменам. Так что не пугайтесь, я вам не помешаю своим присутствием.

– Ты нам вовсе не мешаешь. – Мавра мельком посмотрела на незнакомку. – Кстати, это Кира. Она моя давняя знакомая, оказалась в нашем городе проездом, и я решила пригласить её в наш дом.

– Очень приятно. – Глеб одобрительно кивнул.

На вид Кире было лет тридцать пять, но выглядела она очень неприглядно. Длинное бесформенное платье, напоминающее балахон, сочеталось с полным отсутствием косметики на её лице и грязными чёрными волосами, забранными в пучок. Осмотрев её с ног до головы, Глеб заметил, что она постоянно теребила пальцы рук и нервно вертела головой из стороны в сторону, дабы не встретиться с ним взглядом.

– Ну что ж, я с вашего позволения пойду, – молодой человек нарушил неловкое молчание. – Всего доброго. – Глеб ещё раз посмотрел на незнакомку, и тут их взгляды на мгновение соприкоснулись. Их зрительный контакт продолжался всего пару секунд, но этого ему было достаточно, чтобы резко отпрянуть в сторону, развернуться и быстрыми нервными шагами направиться в комнату.

– Думаешь, он что-то понял? – прошептала Армина матери на ухо после того, как они проводили гостью восвояси.

– Не могу тебе сказать. Но предчувствие у меня очень нехорошее.

– Что ты чувствуешь, мам?

– Смерть... Кого-то из нас заберут, причём произойдёт это совсем скоро.

* * *

Войдя наконец в комнату, Глеб ещё некоторое время не мог прийти в себя. Встреча с гостьей Мавры оставила в его подсознании неприятный осадок. Столкнувшись с ней взглядами в коридоре, он почувствовал нечто жуткое, пронизывающее его тело с головы до ног. И эти странные слова про смерть и чёрный приворот также не выходили у него из головы, хоть он и не был уверен в услышанном. И вот что ещё заставило его насторожиться – странный запах, исходивший из комнаты Армины, когда женщины открыли дверь. Сперва Глеб подумал, что так пахнут духи, принадлежащие незнакомке по имени Кира, но, зайдя в свою комнату, он также уловил лёгкие нотки этого запаха. Его природу сложно было установить, он скорее напоминал смесь каких-то благовоний. Глеб ощущал нечто подобное в церкви, когда они посещали с отцом воскресные службы, но всё же он был уверен, что природа этого запаха зародилась из чего-то другого.

Очнувшись от своих дум, Глеб вспомнил о своей главной причине возвращения домой. Недолго думая, он подошёл к столу и стал рыскать в огромной кипе бумаг, пытаясь найти подготовленный эскиз. И да, действительно, Глеб впопыхах оставил его там. Воодушевившись предстоящей работой, он положил эскиз в сумку и вышел из дома, направившись в мастерскую, параллельно пытаясь отогнать от себя мысли о таинственной Кире и Армине, которая, судя по всему, имела какие-то общие дела с этой женщиной.

Мастерская Глеба располагалась в старом гараже его отца. Назар выделил сыну это место, чтобы у него был «свой угол». Раньше они с отцом копались здесь в их старой машине, но вскоре, когда Назар приобрёл гараж ближе к дому, это место стало исключительно убежищем Глеба. Раньше Глеб проводил здесь много

времени с друзьями. В основном они либо просто отдыхали, либо копались в мотоцикле Фила, ещё одного хорошего друга Глеба, который два года назад уехал путешествовать по стране на своём байке. На данный момент мастерская Глеба выполняла лишь две основные функции. Во-первых, это было место его жарких свиданий с прекрасными загорелыми девушками, которые, перейдя порог «его территории», мгновенно избавлялись от одежды, представляя перед ним во всей своей обнажённой красе, а во-вторых, это было место, где Глеб мог обучаться и совершенствовать своё любимое ремесло, с которым его, кстати говоря, познакомил вышеупомянутый Фил, – искусство набивания татуировок.

Свою машинку для работы Глеб собрал сам под руководством Фила в 14 лет. С тех пор она стала продолжением его руки. К тому времени Фил был почти на три года старше Глеба и уже много чего знал и умел. Первые свои три работы молодой человек изобразил на теле Фила, затем к нему стали приходить друзья и знакомые Фила. Несмотря на катастрофическую нехватку времени из-за учёбы, спорта, работы по разгрузке машин, он всё же старался выжать максимум времени из своего плотного жизненного графика. Людям нравилось, что Глеб хорошо рисовал, татуировки делал достаточно качественно, использовал хорошие материалы и брал недорого по сравнению с другими мастерами. Разговоры о его умениях всё больше и больше распространялись по городу, заставляя его сильно нервничать, ибо Глеб не хотел, чтобы слухи каким-либо образом дошли до его отца. Своим друзьям он также запретил об этом распространяться.

Принесённый из дома эскиз Глеб дорисовал достаточно быстро, а вот воссоздать его на человеческом теле оказалось гораздо сложнее. Раза три Глеб стирал рисунок с тела клиента, и, только когда размеры и расположение татуировки его полностью устроили, он приступил к непосредственной работе. Весь процесс работы занял у Глеба более четырёх часов, но, когда всё было закончено и довольный клиент расплатился, молодой человек наконец осознал, чем бы он хотел заниматься в этой жизни. Сегодня Глеб выполнил один из самых сложных заказов в своей карьере татуировщика, он это знал и был этим горд.

* * *

Когда Глеб вернулся домой, все уже поужинали и разбрелись по своим комнатам, только Назар молча сидел на кухне и потягивал гранатовое вино.

– Привет, пап. – Глеб подошёл к отцу, положил сумку на стул и сел напротив него. – Как прошёл твой день?

– Достаточно плодотворно. Ещё одна успешная операция на моём счету.

– Поздравляю, пап. Я уверен, что кто-то сверху ведёт учёт по «твоему счёту добрых дел» и в какой-то момент непременно выставит его тебе.

– Надеюсь, что это будет не скоро. Хотелось бы пожить ещё какое-то время, – мужчина рассмеялся.

– Пап, извини, я совсем не это имел в виду. – Глеб виновато на него посмотрел, а затем и вовсе опустил голову.

– Ну, полно тебе. Я ведь пошутил. Лучше расскажи, чем ты сегодня занимался. Как, кстати, проходит подготовка к твоему поступлению в медицинский?

– Вовсю штудирую учебники. – Глеб повернул голову и посмотрел в сторону моря.

– Это хорошо, так держать. С практикой у тебя проблем не будет. Можешь хоть с первого курса приходить ко мне в больницу. Я тебя определю в отделение к своему товарищу. Будешь наблюдать за работой настоящих профессионалов, а иногда и что-то пробовать сам, ведь азы ты уже знаешь. К тому же руки у тебя растут откуда надо.

– Ещё бы, есть в кого. – Молодой человек улыбнулся.

– Перестань, ты мне льстишь. – Назар всегда смущался, слыша от сына подобного рода похвалу. – А как работа? Наверное, сильно устал?

– Вовсе нет. Разгрузились на полчаса раньше, затем немного прогулялись, а потом я зашёл домой за книгой и пошёл готовиться в гараж. Познакомился с Кирой, подругой Мавры.

– С Кирой? – Отец вопросительно на него посмотрел. – Что ещё за Кира?

– Ты разве не в курсе... – Но, видя на лице мужчины явное недоумение, Глеб продолжил свой рассказ. – Я ведь тебе уже говорил, что возвращался сегодня за книгой. Так вот, поравнявшись с комнатой Армины, я сразу же уловил незнакомый женский голос, стал прислушиваться. А когда они втроём вышли из комнаты, Мавра представила мне Киру, сказав, что она её давняя знакомая и что она якобы здесь проездом. Я, честно говоря, был очень удивлён, поскольку никогда не видел гостей в нашем доме с их стороны.

– А как я сейчас удивлён. – Глядя на отца, Глеб заметил, насколько сильным было его внутреннее напряжение. – Скажи, Глеб, а ты не заметил ничего странного в их поведении или... – Мужчина не смог закончить мысль и замолчал, посмотрев сыну прямо в глаза. В данный момент его взгляд был невероятно тяжёлым, и Глеб сразу же его уловил.

– Честно говоря, – он выдержал небольшую паузу, – они все втроём вели себя странно. Мавра и Армина определённо нервничали, а эта Кира, по-моему, была явно не в себе. Постоянно теребила пальцы, крутила головой и выглядела как-то странно.

– А кроме поведения, было ещё что-то, на что ты обратил внимание?

– Что ты имеешь в виду? – Глеб пристально посмотрел на отца.

– Ничего, забудь. – Назар уже хотел сменить тему разговора, но тут Глеб всё же решил поведать ему о странных деталях встречи.

– Пап, подожди. Было ещё кое-что. Даже не знаю...

– Что ещё было, Глеб? – Сердце Назара бешено заколотилось.

– Когда они открыли дверь, я почувствовал странный запах, исходивший из комнаты Армины. Я сперва подумал, что это духи этой Киры, но в мою комнату он тоже как-то просочился.

– Что это был за запах, сын?

– Даже не знаю, как объяснить. Он мне напомнил запах благовоний или, может, гари. И ещё обсуждали они какие-то странные вещи.

– Так ты слышал, о чём они говорили?

– Я слышал только отдельные слова. И то я не уверен, что услышал именно это.

– И что же ты услышал?

– Пап, послушай, давай закроем эту тему. Ну, приходила в наш дом какая-то женщина. Я просто был очень удивлён этим фактом, и поэтому что-то мне могло и показаться.

– Глеб, ты не понимаешь... Пожалуйста, скажи, что за слова ты слышал за той дверью.

– Пап, успокойся. – Сын смотрел на него во все глаза. – Я чего-то не знаю?

– Глеб... – Назар уже начал выходить из себя.

– Ладно, хорошо. Там вроде что-то было про замужество, смерть и чёрный приворот. Но это совсем не точно. Мне могло показаться.

Произнеся эти слова, Глеб заметил, как румянец на лице Назара исчезал на глазах и его лицо приобрело белый безжизненный цвет.

– Ты белый как полотно, выпей вина. – Глеб придвинул к отцу почти пустой бокал. – Может, воды?

– Нет, ни то, ни другое сейчас не поможет. Спасибо, сын.

– Пап, я могу узнать, что тебя так встревожило? – Он выдержал небольшую паузу, но, не дождавшись ответа, начал высказывать собственные предположения: – Все эти слухи, которые ходят про Мавру в нашем городе... Ты всегда говорил, что это неправда, что люди на неё наговаривают якобы из-за её отрешённого образа жизни...

– Да, говорил и буду продолжать так говорить. – Назар допил вино и встал из-за стола. – Пойду немного прогуляюсь, подышу свежим воздухом. Я и вправду всполошился на пустом месте. Не бери в голову, Глеб.

– На пустом ли? – Глеб подозрительно на него посмотрел.

– Я тебе обещаю, что мы непременно обсудим это с тобой, но в другой раз. Не сегодня...

– Хорошо, как скажешь. – Назар направился к выходу, мельком посмотрев в сторону моря, хотя было уже совсем темно. – Но я поймал тебя на слове, папа.

Назар ничего не ответил, лишь подмигнул сыну и пошёл восвояси. Лицо его постепенно приобретало привычный цвет, но оттенок бледности всё равно присутствовал. Глеб всё прекрасно видел. И запомнил этот момент.

* * *

Посидев какое-то время на кухне, Глеб подошёл к холодильнику, достал бутылку воды и мгновенно её осушил, а затем направился в ванную комнату, желая сейчас только одного: смыть с себя этот день целиком, даже несмотря на многие его плодотворные исходы. Войдя в ванную, он скинул на пол грязную одежду и встал под прохладный душ.

Быстрые шаги Глеба заставили Армину прекратить прочтение очередной книги и стремглав броситься к выходу. Она осторожно приоткрыла дверь и чуть слышно направилась в сторону комнаты Глеба. Девушка была почти уверена, что дверь будет не заперта, ибо она знала, что после трудового летнего дня её брат всегда очень спешил в душ. Так было и в этот раз.

Дом Назара и Мавры имел очень интересную конструкцию. Три комнаты были соединены с тремя ванными, причём комната Глеба отделялась от ванной не сплошной стеной, как остальные две. В стене находилось небольшое окно, через которое Армина в последнее время частенько наблюдала, как её брат принимает душ.

В этот раз Глеб стоял под душем особенно долго, обеспечив тем самым непередаваемое наслаждение своей сестре. Встав на цыпочки и ухватившись обеими руками за небольшой подоконник, она пожирала взглядом его обнажённое тело, чувствуя, как затвердевают при этом её соски и как приятная томная боль, исходящая сейчас из её «нежного места», заставляла Армину чуть слышно стонать. Всё, чего ей сейчас хотелось, – чтобы Глеб повернулся к ней лицом или хотя бы боком, дабы хоть ненадолго задержать свой взгляд на его члене. «Ну, почему ты всегда стоишь ко мне спиной. Повернись хоть один разок», – шептала Армина в уже изрядно запотевшее стекло. И тут, будто кто-то услышал её мольбы. Глеб действительно развернулся, предоставив ей на обозрение свой шикарный член. Глаза Армины при этом широко раскрылись, а правая рука независимо от неё самой уже блуждала в трусиках и интенсивно теребила клитор. Ещё несколько секунд, и Армина ощутила то, чего никогда ранее не испытывала в своей жизни. Огненная волна охватила всё её тело, Армина совсем не чувствовала ног, секунду спустя они стали ватными, а затем резко подкосились. При этом она издала звук, который заставил Глеба очнуться и посмотреть в окошко. Их взгляды встретились лишь на секунду, заставив Армину стремглав броситься к двери.

Глава 3

Назар полночи блуждал по ночному морскому побережью, ощущая на своём теле лёгкое дуновение ветра и вырисовывая пальцами ног круги на песке. За эти несколько часов он многое вспомнил, многое обдумал, а что-то даже пережил вновь. Назар постоянно убеждал себя в том, что делать поспешные выводы из ситуации, произошедшей вчера днём, очень опрометчиво с его стороны и что сперва нужно аккуратно вызвать жену на разговор и спокойно с ней всё обсудить. Но его внутренний голос то и дело пытался перебить его внешнее спокойствие, убеждая Назара в том, что Мавра взялась за старое и тем самым нарушила данное ему пятнадцать лет назад обещание. А в те далёкие времена в жизни Назара всё было совсем иначе...

Первую жену Назара звали Инга, и счастьем их в те времена не было предела. Жили они тогда на другом конце города в уютной квартирке на последнем этаже с маленьким балкончиком, усеянным цветами. Назар как раз делал первые успехи на медицинском поприще. В те времена, когда ещё был жив его отец, Назар был приверженцем не только традиционной медицины, но ещё и

втайне ото всех изучал ремесло своих предков. Ещё тогда люди стали узнавать его с двух сторон: как хорошего начинающего хирурга и как человека, практикующего нетрадиционную медицину, которая реально приносила удивительные результаты.

Люди приходили к нему с различными проблемами: то могли быть разного рода заболевания, над которыми большинство врачей просто разводили руками, либо проблемы психологического характера, с которыми люди, как им казалось, не могли справиться без помощи каких-то высших сил. Но самой интересной для Назара областью было избавление от порчи, сглазов, приворотов. Подобным вещам отец стал учить его сравнительно недавно. Такие визиты всегда проходили через него и предварительно с ним обговаривались. Именно благодаря отцу Назар узнал о своём предназначении на этой земле.

Инга была в курсе тайной деятельности Назара и старалась всячески поддерживать его во всех начинаниях. Изучение мужем нетрадиционной медицины вызывало у неё двойственные чувства, колеблющиеся между неопишуемой гордостью и дикой тревогой. Инга замечала, что эти сеансы отнимали у Назара слишком много моральных сил, но мужчина всячески пытался её успокоить, говоря, что никакого вреда его здоровью это не несёт, хотя знать наверняка он не мог, ибо слишком много отрицательной энергии проходило через него в такие моменты.

Назар и Инга прожили вместе три года. Их брак являлся идеальным для многих семейных пар в городе. Первый год совместной жизни был для них самым ярким и запоминающимся. Они жили для себя, наслаждаясь друг другом почти ежедневно, а когда появился Глеб, казалось, они стали ещё счастливее. Инга часто говорила мужу, что их сын – самый добрый и любознательный ребёнок на свете. Когда Назар узнал, что у них с женой будет мальчик, счастьем его не было предела. Но он также понимал и груз ответственности, которая ложилась теперь на него, ибо каждый мужчина в их роду являлся носителем удивительного дара, проявляющегося у них в определённом возрасте, и отцы, дождавшись нужного момента, должны были раскрыть этот дар и помогать своим сыновьям развивать его на протяжении всей жизни.

Казалось, Назар и Инга проживут так целую жизнь, но у кого-то на их счёт были совсем другие планы. Когда Глебу исполнилось два года, Ингу стали посещать дурные предчувствия, а по ночам часто снились кошмары. В какие-то моменты женщине казалось, что этот род деятельности Назара в конечном итоге погубит

их семью. Особенно она переживала за маленького Глеба. Назар, конечно, беспокоило тревожное состояние жены, но всерьёз её сны и предчувствия он не воспринимал. И, как оказалось в дальнейшем, женская интуиция и материнское сердце её не обманули.

Впервые Назар увидел Мавру в зале ожидания больницы своего отделения. Она проводила там почти каждый день по несколько часов. Её взгляд всегда казался ему каким-то отрешённым, да и сама девушка как будто всё время находилась в другой реальности. Но, как только их взгляды на мгновение соприкасались, Мавра как будто пробуждалась ото сна и возвращалась к жизни. Их зрительные контакты продолжались на протяжении нескольких недель. Назар не мог толком ничего понять, но какая-то неведомая сила притягивала его к этой девушке, словно магнитом. Сперва мужчина чувствовал обыкновенный интерес по отношению к ней, но затем на место интереса пришло сильное сексуальное влечение, которое Назару с каждым днём было всё сложнее контролировать.

Как-то раз, придя домой, Назар почувствовал себя таким отрешённым от семьи, что ему вдруг стало не по себе. Войдя в ванную комнату, он пустил струю холодной воды, подставил под неё ладони и несколько раз умыл лицо, а затем отрезвляюще потряс головой, посмотрев при этом на своё отражение в зеркале. В этот момент он встретился взглядом с Ингой.

Перемены, произошедшие с Назаром, жена стала замечать почти сразу, виня во всём его чрезмерные нагрузки на работе.

– Может, хватит уже так себя мучить. Мне больно на тебя смотреть. Уже несколько недель ты ходишь сам не свой. – Инга поправила волосы, смотря на мужа в зеркало.

– Не бери в голову, родная. Просто немного устал.

– Ты слишком много на себя взвалил. Работа и помощь людям – это, конечно, благородные дела, но о семье тоже нельзя забывать. Мы уже три с лишним недели не занимались любовью, и к Глебу ты не подходишь. Он капризничает, просит твоего внимания. Раньше я за тобой такого не замечала.

– Родная, прости меня. Ты права. Я слишком много на себя взвалил. Обещаю, что в ближайшее время я со всем разберусь. – Назар повернулся к ней, обняв жену

за талию, и притянул к себе. – А знаешь, что я сделаю? – Он оживлённо посмотрел на Ингу. – Возьму отпуск. И проведу его с тобой и Глебом. И никто, обещаю, никто не сможет нам помешать насладиться этим временем.

– Ты возьмёшь отпуск только на основной работе или... – Инга пристально на него посмотрела.

– Нет, любовь моя, я возьму отпуск не только в больнице. – Он прижал жену ещё ближе и сильнее и страстно поцеловал. – Обещаю тебе, что этой ночью я восполню то, что было упущено за эти злополучные недели.

Назар взял Ингу на руки и отнёс в спальню, аккуратно положив на постель. Мгновение спустя он уже стягивал с неё шёлковый халат, нежно массируя и целуя при этом её грудь.

– Я хочу, чтобы этой ночью ты страстно мной обладал, – прошептала она, нежно постанывая.

– Как скажешь, любовь моя.

Он поднял голову и аккуратно убрал прядь тёмных волос с её лица. И в ту же секунду Назар осознал, что у его жены всегда были светлые волосы, а у него перед глазами, на его постели сейчас лежала та таинственная незнакомка, которую он так отчаянно пытался выбросить из головы. Широко открыв глаза, Назар смотрел на неё или, точнее сказать, на плод своего воображения. Он хотел было оттолкнуть её, но животные инстинкты были сильнее его. К тому же где-то далеко, в своём подсознании он понимал, что, оттолкнув сейчас свою фантазию, он оттолкнёт и Ингу. И он поддался. Поддался страсти, высвободив наружу животные инстинкты, поддался страсти, одарив ею ту, которой она не была предназначена. Целую ночь напролёт он занимался любовью с незнакомкой в теле Инги или с Ингой в теле незнакомки, меняя позу за позой с небывалой частотой, испивая её до дна, как божественный напиток. Он занимался любовью с Ингой, представляя при этом другую, но это было так ярко и естественно, что в какие-то моменты ему казалось, будто в его постели и впрямь та прекрасная незнакомка либо он просто спит и видит сны.

На следующий день Назар ещё более твёрдо убедился в своём решении взять паузу на работе, ибо понимал, что ему необходимо спасти семью и самого себя.

В этот день Назар решил не проходить через зал ожидания, дабы лишний раз не встречаться с ней взглядами. Но по определённому стечению обстоятельств ему всё же пришлось туда спуститься. И каково же было его удивление, когда он не обнаружил там свою несвоевременную страсть. В этот момент мужчина испытал два противоречивых чувства – облегчение и разочарование. Ещё раз окинув беглым взглядом помещение, Назар направился в свой кабинет плавной походкой. Его выражение лица при этом было слегка удручённым.

Но, открыв дверь кабинета, Назар понял, что сюрпризы на этом не закончились, а как раз наоборот, только начинались. Каким же было его удивление, когда за своим рабочим столом он обнаружил её, ту самую, от взгляда которой он испытывал странные противоречивые чувства, ту самую, мысли о которой разожгли огонь в его чреслах до такой степени, что этой ночью он забыл о собственной жене.

– Чем могу помочь? – произнёс он немного растерянно.

– Вы ведь Назар? Я не ошиблась? – Девушка загадочно на него посмотрела, даже не думая вставать из-за стола.

– Нет, вы не ошиблись. Но у меня сейчас нет приёма.

– Я это знаю. – Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась. – Я бы хотела обратиться к вам за помощью не как к хирургу, а как... – Она выдержала небольшую паузу. – А как к целителю.

Несколько секунд он стоял без движения и изучающе на неё смотрел. Такого расклада мужчина точно не мог ожидать. Назар осторожно закрыл дверь и приблизился к ней на несколько шагов.

– Я сейчас не ослышался?

– Нет, вы всё правильно поняли. Я слышала о вас много хорошего. Люди говорят, что у вас дар от Бога. А я сейчас как никто другой нуждаюсь в вашей помощи. Я в отчаянии...

– Пожалуйста, успокойтесь.

Назар придвинул стул и сел напротив неё. Сейчас он мог получше её разглядеть. На вид ей было чуть больше двадцати. Длинные тёмные волосы спадали ей на плечи, слегка закрывая лицо. На ней было надето обтягивающее бордовое платье выше колен, идеально подчёркивающее её пышные формы, которыми Назару удалось вдоволь насладиться этой ночью в своих фантазиях, и выделяло её стройные загорелые ноги. Назар мельком задержал на них свой взгляд и ненароком вспомнил, как раздвигал их совсем недавно.

– Мавра... Меня зовут Мавра.

– Вы меня, видимо, с кем-то путаете, – начал было говорить Назар.

– Я очень больна. Никто не знает, что со мной. Никто не может мне помочь. Вы – моя последняя надежда.

– Послушайте, Мавра, я очень ценю вашу веру в меня, но, к сожалению, ничем не смогу вам помочь. Дело в том, что я... – Назар выдержал небольшую паузу, в надежде подобрать нужные слова. – Видите ли, Мавра, я взял перерыв. Мои моральные силы на исходе, их нужно восстановить. Если у вас действительно такое тяжелое положение, я отведу вас к своему отцу. Поверьте, он один из лучших целителей в Краснодарском крае. Он непременно вам поможет. Странно, что вы сперва пришли ко мне, а не к нему. Ведь обычно он направляет ко мне нуждающихся людей.

– Я слышала о вашем отце. Но он мне в этом деле не помощник. Мне нужны именно вы. – Мавра посмотрела ему в глаза, а затем окинула его беглым оценивающим взглядом, что также не ушло от его внимания.

– Я не совсем вас понимаю.

– Назначьте мне время приёма у вас дома, там я вам всё объясню. – Мавра осторожно встала со стула и нагнулась к Назару. – Вы моя последняя надежда.

– Боюсь, я ничем не смогу вам помочь. – Он смотрел на неё словно в оцепенении. – Сейчас я позвоню отцу.

Назар хотел было встать со стула, но Мавра не позволила ему это сделать. Она нагнулась к нему ещё ближе, ухватив его одной рукой за ворот рубахи, и страстно поцеловала. Назар не мог ничего с собой поделаться, он только чувствовал, как вторая рука Мавры нежно гладила его по ноге, а её коленка расположилась на стуле между его ног, аккуратно упираясь в его член. Мгновение спустя её бордовое платье уже валялось на полу его кабинета, а Назар, охваченный дикой страстью, занимался любовью с Маврой на своём столе. И на этот раз всё было по-настоящему, всё было наяву.

А дальше всё было как в тумане – беда за бедой, перемена за переменной. События сменяли друг друга, будто по накатанной плоскости. После того рокового дня, когда Назар сблизился с Маврой, его жизнь и, как ему казалось на тот момент, судьба в корне поменялись.

Всё началось со скоропостижной смерти его отца. Для Назара это было не просто серьёзным ударом, казалось, что он потерял часть себя. Его смерть была не просто странной, а скорее из ряда вон выходящей. Буквально за какие-то несколько дней его тело покрылось волдырями, которые впоследствии стали лопаться, превратив его кожу в одно большое кровавое месиво. Чтобы спасти отца, Назар подключил множество хороших специалистов, но никто из них никогда не видел ничего подобного. Все они как один сочувственно вздыхали, говорили, что в данной ситуации бессильны, и широко разводили руками. Отец всё время пытался что-то сказать Назару, но не мог этого сделать, поскольку все части его тела, включая область рта, были поражены неизвестной «проказой». Это продолжалось около двух недель. Не теряя надежды, Назар решил пустить в ход все свои знания, которыми его наградил отец. Но и здесь все его усилия оказались тщетны. Видимо, знаний сына было недостаточно для исцеления отца, либо дело было в чём-то другом.

После похорон отца Назар несколько дней не выходил из дома. Инга всегда находилась рядом, принося в его жизнь тепло и надежду. На протяжении этих дней заточения Инга заметила странное поведение Глеба. Как только она приводила его в комнату Назара, он начинал реветь навзрыд, не переставая, а когда женщина подводила его к отцу вплотную, он хватался за мамину юбку и отталкивал его своими маленькими ручками.

Всё же правильно говорят в народе, что беда не приходит одна. Спустя несколько дней, когда Назар начал постепенно оправляться от горя, та же участь постигла и его жену. Симптомы болезни были точно такие же, как у его

отца, но смерть настигла её гораздо быстрее. Бедняжка мучилась три дня. Но и в этот раз Назар решил бороться до конца.

Перед смертью отец вручил ему измятый листок бумаги, на котором было нацарапано женское имя. Сперва Назар не смог разобрать его, да и время было неподходящее. Но после кончины отца он всё же вновь достал заветный листок бумаги. Развернув его, мужчина к своему удивлению смог сразу прочитать нацарапанное на нём имя. Там было написано «Ханна». Назар сразу же понял, что к чему. Старуха Ханна раньше была народной целительницей, но после гибели мужа и дочери при загадочных обстоятельствах она бросила заниматься подобными практиками и, по словам отца Назара, уже долгое время вела затворнический образ жизни.

Поместив Ингу в больницу, Назар тут же ринулся на поиски Ханны, ибо надежды на врачей у него уже не было, а надежда на чудо его ещё не покинула. На время своего отъезда он отдал Глеба в семью своего коллеги и очень хорошего приятеля.

Дом целительницы Ханны Назар нашёл не сразу, он был как будто замаскирован от посторонних глаз. Он медленно подошёл к деревянной двери, сердце его в тот момент бешено колотилось. Назар уже готов был в неё постучать, но делать этого не пришлось, ибо дверь открылась сама, и на пороге перед ним предстала очень старая женщина. Её кожа была настолько дряблой и поражённой язвами и неровностями, что Назару сразу стало не по себе. Он начал было говорить, но старуха его опередила.

- Ты зря проделал такой путь. В этом деле я тебе не помощник.

- Послушайте...

- Мне не нужны твои рассказы, я и так прекрасно знаю, зачем ты сюда приехал. И сразу говорю, что не смогу помочь. - Женщина попыталась закрыть перед ним дверь.

- Я вас прошу, выслушайте меня. Перед смертью мой отец...

- Твой отец был замечательным человеком, как и твоя жена, а ты всё разрушил из-за этой грязной девки. - Она посмотрела на него так злобно, что Назару

показалось, будто она сейчас испепелит его взглядом.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду. – Назар чувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

– Он не понимает. – Старуха злобно усмехнулась. – Ты – сын своего отца. Своим поступком ты опозорил его доброе имя, ты опозорил весь свой род, ты поставил под удар то, за что твои предки из поколения в поколение готовы были отдать жизнь. То, что я сейчас скажу тебе, в скором времени погубит меня, но я уже слишком стара, чтобы прятаться и бояться их. Видимо, Господь решил, что настала пора мне отомстить за свою семью. – Старуха резко открыла дверь дома, ещё раз окинув Назара презрительным взглядом, и грубо произнесла: «Заходи».

И дверь захлопнулась.

– Никуда не садись и ничего здесь не трогай. Итак, ты пришёл ко мне за помощью, так вот, знай, помочь я тебе не смогу. Смерть твоего отца и жены далеко не случайны. Это заговор на смерть, который организовала грязная семейка твоей новой утехи по имени Мавра.

Услышав эти слова, Назар побледнел как полотно. От каждого слова Ханны его бросало попеременно то в жар, то в холод.

– Род Мавры – очень древний. Они рождены, чтобы уничтожать таких, как ты, твой отец, как я. На тебе любовный приворот. Они ослабили твою защиту с помощью Мавры, тем самым добрались до твоего отца. Раньше никто не мог этого сделать. Все мы в какой-то степени связаны друг с другом, а вы с отцом особенно. Если они занялись твоей женой, значит следующим будешь ты или твой сын.

– Я не верю в весь этот бред. То, что было между мной и этой девушкой, всего лишь временное помутнение рассудка. Это больше никогда не повторится. Единственная цель, которая стоит сейчас передо мной, – это спасти свою жену.

– Её уже не спасти. Этот заговор на смерть очень сильный. Даже я не смогу его снять. Единственное, что ты сейчас можешь сделать – так это взять Глеба и уехать отсюда как можно дальше. – Ханна подошла к нему вплотную и заглянула

прямо в глаза. – Но ты ведь этого не сделаешь, не так ли? Впустишь её в свою жизнь. Но только помни, что, как бы человек ни пытался изменить свою сущность, а тем более такую тёмную и древнюю, в конечном итоге она возьмёт верх над человеком. Мавра будет стараться стать другой для тебя. Но в итоге это приведёт к трагедии. Она погубит тебя, Назар.

Назар смотрел на неё стеклянными глазами, не зная, что сказать.

– У тебя редкий дар, Назар, как и у твоего сына. Ты будешь стараться заглушить его, но в конечном итоге он всё равно проявится у Глеба, даже без твоего участия или вмешательства. А теперь убирайся! Я очень устала! Ты отнял у меня слишком много сил.

И Назар опрометью выскочил из её дома навстречу своей новой жизни.

Когда Назар вернулся, Инга была уже мертва. А он даже не успел с ней проститься и в последний раз заглянуть в эти чистые глаза, полные жизни. После смерти Инги Назар был убит горем. Сперва он хотел удариться головой в работу, но, поскольку некому было заниматься Глебом, он не мог себе такого позволить. Назар понимал, что, кроме него, у Глеба больше никого нет, и именно сейчас сын как никогда в нём нуждается.

Поначалу Глеб не хотел принимать отца, но постепенно созданный необыкновенным ребёнком барьер становилось преодолеть всё легче и легче. А вскоре барьер и вовсе исчез.

После произошедших с Назаром трагических событий Мавра не упускала его из виду. Она караулила Назара буквально везде: на работе, около дома, у входа в магазин. Каждый раз, когда она пыталась с ним заговорить, Назар молча отталкивал её, качая при этом головой, и уходил прочь быстрыми нервными шагами.

Но в глубине души Назар понимал, что его притяжение к Мавре ничуть не ослабло, а как раз наоборот, усиливалось с каждым днём. И это не просто тревожило его, это его пугало. Но новая жизнь не заставила себя долго ждать. Их разговор с Маврой всё же состоялся.

Это произошло ранним воскресным утром, когда неожиданный звонок, сопровождаемый пронзительным плачем маленького Глеба, заставил Назара поспешно открыть дверь. На пороге стояла Мавра с бледным как у призрака лицом и двумя чемоданами в руках. Какое-то время они просто молча стояли и смотрели друг на друга стеклянными глазами. Назар хотел было закрыть перед ней дверь, но Мавра в очередной раз не дала ему этого сделать.

– Назар, выслушай меня. Я скажу то, что должна, а после моих слов ты сам примешь решение, закрывать передо мной дверь либо впустить в свою жизнь.

– У тебя пять минут, – произнёс Назар грубым металлическим голосом, хотя под ритмы его сердца можно было танцевать чечётку.

– Я ушла из семьи. Предала свой род. Отказалась от всего ради тебя. Ради нас.

– Ты виновна в смерти самых дорогих мне на свете людей. Тебе нет прощения. И у тебя ещё хватает наглости стоять на пороге моего дома?

– Я не причастна к их смерти, Назар. Моя вина лишь в том, что я была рождена в семье, чьей целью является искоренение таких людей, как ты и твой отец. С самого рождения, изо дня в день меня заставляли чувствовать себя их частью. Но в глубине души я знала, что я другая, не такая, как они. А по-настоящему я осознала это, когда впервые увидела тебя. Ты излечил меня, Назар.

– Каждое твоё слово пропитано ложью, Мавра. С меня хватит. Я закрываю дверь и иду успокаивать сына.

– Назар, подожди. – Мавра бросила чемоданы и прижалась к нему изо всех сил. – Я же чувствую, что ты ко мне равнодушен. Ты весь горишь, и я знаю, в чём причина твоего внутреннего пожара.

– Ты приворожила меня. Это всего лишь колдовство. Но вынужден тебя разочаровать – оно больше не имеет силы.

– Ты очень заблуждаешься. Никакого приворота не было. Моей семье не пришлось этого делать. Не было необходимости. Ты сам в меня влюбился. У нас с тобой всё было по-настоящему с самого начала. От таких серьёзных жизненных

потерь приворот бы перестал действовать на тебя. Но даже после смерти отца и жены ты по-прежнему трепещешь, когда видишь меня.

– Я больше не желаю это слушать.

– Такого исхода моя семья предвидеть не могла. Они также не могли предвидеть и того, что я влюблюсь в тебя без памяти и оставлю родной дом. Забавно, однако. Они всегда думали, что знают всё на свете. А мы с тобой оказались сильнее, потому что мы – другие.

Мавра заглянула ему в глаза и страстно поцеловала. Назар попытался её оттолкнуть, но был не в силах этого сделать. Он ответил на поцелуй. Он впустил её в свою жизнь. Он позволил ей приблизиться к Глебу и в дальнейшем попытаться заменить ему мать. Вскоре у них родилась девочка по имени Армина. Он взял с Мавры обещание никогда более не прибегать к тёмным практикам и отречься от семьи и, самое главное, от принадлежности к своему роду. В свою очередь, Назар дал и себе определённое обещание: забыть о своём даре и никогда более его не практиковать. Это касалось и Глеба.

Назар и Мавра были счастливы. Казалось, что между ними не было барьеров. Глеб привык к Мавре не сразу, но со временем и этот барьер ей удалось устранить, правда, не до конца. У Глеба была удивительная особенность – улыбаться одними глазами. Он достаивал этим всех приближённых к нему людей, кроме Мавры. И она это видела. И это её всегда настораживало.

И так шли годы, жизнь текла своим чередом, пока не настал тот самый день...

Глава 4

Домой Назар вернулся лишь под утро. Войдя в комнату, он еле слышно подошёл к кровати, аккуратно снял с себя одежду и, сильно утомлённый собственными думами, уснул сразу же, как только его голова коснулась подушки.

Тем временем Мавра тоже не спала всю ночь. Она прекрасно знала причину отсутствия мужа в спальне, поминая Глеба недобрым словом. Почти всю ночь

Мавра провела у окна, пытаясь разглядеть еле заметный силуэт Назара у берега моря, а как только за дверью послышались знакомые шаги ближе к утру, сердце женщины бешено заколотилось. Она притворилась спящей, дабы отложить их предстоящий разговор на несколько часов и дать возможность Назару хоть немного поспать и тем самым унять процессы его воспалённого мозга.

Назар проспал около шести часов, а проснувшись, сразу же повернулся в сторону жены. Она сидела на кровати и смотрела в окно замороженным взглядом.

– У тебя сейчас такой же взгляд, как при первой нашей встрече. – Мужчина загадочно на неё посмотрел.

– Ты меня напугал. – Мавра вздрогнула от неожиданности и медленно повернулась к мужу.

– Как тебе спалось? – Его голос казался слегка удручённым.

– Плохо, а точнее, вообще не спала.

– И в чём же причина? – Назар старался на неё не смотреть.

– Ты сам знаешь, – прошипела она, – тебя не было почти целую ночь.

– А ты догадываешься почему? – Он посмотрел жене прямо в глаза, а в его голосе можно было уловить негодование.

– Да, я догадываюсь. Глеб рассказал тебе о визите моей старой знакомой Киры в наш дом. А всё остальное ты сам додумал и, как я полагаю, очень сильно воспалил себе этим мозг.

– А что, по-твоему, я должен был думать? У тебя ведь никогда не было подруг, в дом ты никого не приводила. По крайней мере, мне так казалось. Поэтому визит этой женщины заставил меня насторожиться.

– И у тебя хватает наглости обвинять меня в этом после стольких лет. Если мы с Арминой не такие общительные, как ты и твой сын, это не значит, что мы

должны жить затворницами и что мы не можем принимать здесь гостей. Кира – моя давняя знакомая. Мы случайно встретились на рынке и очень друг другу обрадовались. Она была проездом в городе. Я решила пригласить её к нам и познакомить с дочерью. Армина была занята чтением, мы к ней постучались и, так уж получилось, заболтались втроём в её комнате. А когда собирались расходиться, то столкнулись с Глебом. Что он там тебе наговорил, я не знаю.

– Мавра, пойми меня правильно, со стороны эта ситуация выглядела очень странно. Глеб сказал, что эта женщина как будто была не в себе, а из комнаты Армины исходил странный запах, напоминающий горение или что-то вроде того.

– Ах, вот оно что. Глеб сказал... А точнее сказать, Глебу показалось. Совсем недавно бедняжка пережила страшную трагедию и вскоре с головой отдалась Богу. Она полностью изменила стиль одежды. Носит в основном длинные юбки или балахоны.

– А запах? – перебил её Назар.

– Перестань меня перебивать. Я ещё не договорила.

– Извини. Я просто...

– Запах действительно от неё странный. Я полагаю, она сейчас редко моется, вовремя не стирает одежду, совершает паломничества по городам. Уж не знаю, что там почувствовал Глеб, но с её нынешним образом жизни это вполне объяснимо, – Мавра выдохнула на последнем слове.

Назар смотрел на неё и молчал, коря себя за поспешные выводы и недоверие к жене. Хотя слова про смерть и чёрный приворот, которые Глеб слышал за закрытой дверью, основательно засели в его голове. Но, с другой стороны, Глеб был не уверен в услышанном, поэтому Назар решил придержать этот аргумент при себе, внушив тем самым жене уверенность.

– Мавра, послушай... – Он хотел было прижать её к себе, но женщина отпрянула.

– Нет, не стоит, Назар. Ты меня сильно обидел. Мне сейчас неприятно только от одной мысли, что ты мог подумать, будто я взялась за старое и нарушила данное

тебе обещание. Мне нужно немного успокоиться и подумать. И тебе, я думаю, тоже.

Женщина встала с кровати и поспешно направилась к выходу.

– Мавра, подожди, – окликнул её Назар, – хочу, чтобы ты знала, что Глеб здесь совершенно ни при чём. Он просто по-доброму поделился со мной своим удивлением.

– Я пошла готовить завтрак – Мавра вышла из комнаты, проигнорировав его слова.

* * *

Назар и Мавра были не единственными членами семьи, которые не сомкнули глаз этой ночью. Глеб и Армина тоже заснули лишь под утро, думая друг о друге всю ночь напролёт. Точнее сказать, Армина злилась на себя за то, что попалась Глебу на глаза и раскрыла себя. А Глеб был просто в недоумении. Этой ночью он испытал всё, начиная от стыда и заканчивая неутолимым желанием поскорее узнать причину странного поведения его сестры.

Глеб заснул только под утро. Спал он мало и беспокойно. Мысли об Армине не покидали его даже во сне. Казалось, будто он бредил ей. Армина представала перед ним в разных облициях. Ему хотелось подольше задержать внимание на каком-то одном, но её обличия так быстро менялись, что сделать это было практически невозможно. Проснулся Глеб от резкого звука будильника, который напомнил ему о работе и о реальности. Полежав ещё несколько минут, Глеб всё-таки заставил себя встать с кровати и пойти в ванную. Принимая душ, он всё время оборачивался на то маленькое окошко, в котором увидел вчера Армину. Но на данный момент он был заинтересован кое-чем ещё. Глеб отчётливо помнил, что, когда звенел будильник, его сон посетил последний образ – змея. И как она была связана с меняющимися обличиями сестры? Почему змея появилась в конце? Его сон напоминал ему презентацию с меняющимися слайдами, на последнем из которых появилось это загадочное животное.

Но времени на размышления у него было немного, поскольку работа ждать не будет, и Глеб прекрасно это знал. Быстро собравшись, он осторожно вышел из

комнаты и прислушался. В доме была тишина. Чуть слышными шагами он прошёл по коридору, где располагались комнаты Армины и родителей, дабы никого не разбудить. Этим утром Глеб не хотел никого видеть. Он спустился на кухню, выпил кофе, съел пару бутербродов, так как еда в холодильнике заканчивалась, и вышел на улицу в жаркий солнечный день.

После рабочей смены он сразу же направился в свою мастерскую, отклонив предложение Петра и Добрыни поваляться на пляже. Ему захотелось побыть одному, подумать и что-нибудь нарисовать. Рисование часто помогало Глебу избавиться от ненужных мыслей. И каково же было его удивление, когда рядом с дверями своего гаража он поймал добродушную и слегка нагловатую улыбку молодого байкера. Это был не кто иной, как его старый друг Фил.

- Вы только посмотрите, кто наконец решил почтить это место своим присутствием. - Фил устремился к другу.

- Фил, глазам не верю. - Глеб ринулся ему навстречу и заключил его в дружеские объятия.

- Где тебя, чёрт возьми, носило, Глеб. Битый час тут околачиваюсь.

- Вообще-то я с утра работал. А позвонить было не судьба?

- Позвонить, конечно, можно было, но эффект от встречи был бы уже не тот.

- Согласен. Поверить не могу, что ты приехал. И надолго в наши края?

- Где-то на неделю, может, на две. Взял себе отпуск, захотелось навестить маму и друзей.

- Отпуск? Ты что, нашёл работу?

- Не обольщайся раньше времени. Я по-прежнему вольная птица и сам себе хозяин. Давай-ка пройдем наконец внутрь и поболтаем по душам. А то жара здесь, сил моих нет.

– Само собой. Я просто ещё под впечатлением и поэтому не сразу могу сообразить, что к чему.

Глеб открыл дверь мастерской и два друга вошли внутрь.

– Надеюсь, у тебя есть кондиционер и пиво?

– Обижаешь. Это же мой второй дом. – Он тотчас исполнил два заветных желания Фила.

– Ремесло наше не бросил? – Фил устремил на него проницательный взгляд.

– Нет, не бросил. Принимаю клиентов, развиваюсь. Вот только должное количество времени не всегда удаётся выделять.

– Отец знает?

– Нет.

– Ясно. Значит, будешь поступать в медицинский, чтобы не разочаровать отца?

– Не знаю, Фил. Давай не будем сейчас это обсуждать. Произойти может всё что угодно.

– Что правда, то правда. – Фил нарушил их минутное неловкое молчание: – Лучше расскажи о себе. Ты, наверное, всю страну на своём байке исколесил? И что у тебя там за работа?

– Ну, если я скажу, что объездил всю страну, это будет явным преувеличением. Но городов за это время посетил немало. Последние полгода кое-где осел. Работаю татуировщиком. Вот отцом скоро стану.

– Серьёзно? – Глеб смотрел на него с недоумением и радостью. – Как же тебя так угораздило?

– Влюбился, старик. Что тут скажешь. Вот мелкий подрастёт, и будем втроём колесить по стране. И кто говорит, что мечты нет? – Фил сделал последний глоток и поставил на стол бутылку. – А сейчас у меня для тебя будет сюрприз.

– Что за сюрприз?

– Сейчас узнаешь. – Фил потянулся за большой чёрной сумкой. – Временем сейчас располагаешь?

– Располагаю. – Глеб смотрел на него с неподдельным интересом.

– Ну, тогда снимай футболку.

– В смысле? – Молодой человек посмотрел на него с явным недоумением.

– Буду тебе татуировку набивать. А то небывалое это дело, что татуировщик не забитый прозябает. Или есть возражения?

Глеб смотрел на него широко открытыми глазами. Он давно задумывался о собственных татуировках, но что-то всегда мешало ему начать.

– Возражений нет. Только я не знаю, что хочу набить?

– Брось, конечно, знаешь. Мы познакомились, когда тебе было 14 лет. И тот рисунок, который ты мне подарил, я храню до сих пор.

Фил не спеша достал из сумки смятый листок бумаги и развернул. И тут Глеба будто ударило током. Перед его взором предстала змея, которую он нарисовал для Фила четыре года назад и благополучно об этом забыл. Но это было ещё не всё. В точности такую же змею Глеб видел в своём двухчасовом сне на последнем слайде сменяющихся образов Армины.

* * *

За завтраком Назар, Мавра и Армина в основном молчали. Встав из-за стола, Назар поцеловал жену, пожелал всем хорошего дня и поехал на работу с

виноватым видом. Как только дверь захлопнулась, Армина тут же выскочила из-за стола, пододвинула стул вплотную к матери и, оказавшись напротив любимого лица, судорожно произнесла:

– Ну, что было вчера ночью, мама? Что он тебе сказал?

– Сказал достаточно, чтобы заставить меня изрядно понервничать. Но я всё уладила. Перевернула ситуацию в нужном нам свете. Теперь он чувствует себя виноватым передо мной.

– Молодец, мама. А то я всю ночь глаз не могла сомкнуть. Всё думала об этой ситуации, – соврала Армина, отведя при этом глаза в сторону. Это не ушло от внимания матери.

– Это Глеб во всём виноват. Если бы не он... – прошипела Мавра, покосившись на дочь.

– Глеб здесь ни при чём. Это мы ведём себя неосторожно. Нужно просто сделать выводы и в следующий раз принимать людей в другом месте.

– В другом месте может не получиться. Глеб рассказал Назару о запахе, который исходил из твоей комнаты.

– А наш разговор он мог услышать?

– Всё возможно. По крайней мере, Назар об этом не упоминал.

– Ну, тогда всё в порядке. – Армина улыбнулась, отодвинув прядь волос с лица матери.

– Я бы не была так в этом уверена. У меня плохое предчувствие. К тому же ты, судя по всему, чего-то мне недоговариваешь.

– Что ты имеешь в виду? – Армина побледнела, устремив свой взгляд на Мавру.

– Этой ночью ты была сама не своя. Я это чувствовала. Если ты думаешь, что тебе удастся обмануть меня, то ты глубоко заблуждаешься. Между нами

слишком сильная связь. Вскоре ты сама сможешь в этом убедиться. От родового бремени никуда не денешься, Армина. Его нужно принять как должное.

– Но тебе же удалось, мама? Или я ошибаюсь? – Она сейчас напоминала змею, готовящуюся к прыжку.

– Ошибаешься, Армина. Я всё тебе расскажу, но вначале поведай мне, что произошло между тобой и Глебом этой ночью.

Поколебавшись некоторое время, девушка рассказала матери о том, что с ней произошло. Армина также поведала ей о страсти, которой она охвачена в последнее время, о страсти, которая не даёт ей уснуть по ночам, о страсти, которая заставляет всё её тело трепетать от желания.

– Вот оно что. Не думала, что это произойдёт так рано. Тебе же всего четырнадцать. Хотя, с другой стороны, сейчас действительно самое подходящее время. Пока Глеб находится в родительском доме, ты должна исполнить своё предназначение.

– Какое предназначение, мама? Что ты имеешь в виду?

– Ты должна родить от него дочь. Только тогда произойдёт смешение кровей, и сила их рода значительно ослабнет.

– Что ты такое говоришь? С чего ты вообще взяла, что это сработает?

– Это не мои слова, Армина.

– А чьи? – Дочь сидела перед ней в оцепенении, впитывая как губка каждое её слово.

– Тебе незачем об этом знать. Просто исполни своё предназначение, как когда-то сделала я.

– Так, значит, они всё знают. Ты всё это время поддерживала с ними связь и ничего мне не говорила.

– Нет, Армина, связь я с ними не поддерживала. Я просто исполнила своё предназначение. Теперь мне нужно помочь тебе исполнить своё. Они всё видят и всё знают о нас. Они наблюдают. Постоянно... Я это чувствую. Хочу тебе ещё кое в чём признаться – мои чувства к Назару вовсе не приворот. Они настоящие.

– А его чувства настоящие? – Армина взяла мать за руку.

– Они сказали, что приворожили его и что он будет моим, покуда смерть не разлучит нас. Но мне иногда кажется, что никакого приворота не было и что его чувства тоже настоящие.

– Человеческая натура – очень сложная. Всё может быть, мама. Я не хочу, чтобы ты убивалась по этому поводу. Лучше скажи, а ты точно уверена, что у Глеба тоже есть дар? Мне почему-то кажется, что лечить людей ему совсем не нравится. К тому же он не имеет никакого понятия о нетрадиционной медицине. Может, отцу удалось похоронить его дар?

– Глеб странный. Не такой, как все. Они его боятся. Нужно сделать так, как я сказала.

– И каким же образом мы это сделаем?

– Всё очень просто. Я его приворожу. Всё остальное за тобой.

* * *

А Глеб тем временем стал всё реже появляться дома. Это продолжалось на протяжении двух недель. Почти всё своё свободное время он проводил с Филом и его байком. В эти дни сбылась его заветная мечта. Глеб научился управлять мотоциклом, и причём весьма неплохо. Фил сразу же подметил, что железный конь сдался ему без боя. Он также перенял у Фила несколько новшеств в своём тайном ремесле. К тому же Глебу хотелось, чтобы татуировка в форме змеи на его руке заживала без лишних глаз. Эти дни в компании друга пролетели для него незаметно, но зато запомнились ему на всю жизнь.

После отъезда Фила он ощутил непонятную тревогу на душе. С чем это было связано, он не знал. Но зато Глеб знал отличное лекарство от тревоги, которое

всегда действовало безотказно. На протяжении трёх последующих ночей Глеб был окружён обществом загорелых красоток, с которыми он испытал массу удовольствия.

Решив сделать небольшой перерыв в марафоне страсти, он пригласил Петра и Добрыню на дружеские посиделки, дабы хоть как-то загладить перед ними свою вину. Вечер обещал быть насыщенным. Так, собственно, и произошло.

– Ну, ты, конечно, даёшь, дружище, – не унимался Добрыня. – Виделся с Филом, а нас даже позвать не удосужился. Друг называется.

– Я же вам уже объяснял, что Фил приезжал ненадолго. К тому же все наши разговоры сводились к татуировкам и мотоциклам. Вам стало бы с нами скучно.

– Ладно, твоя правда, – заступился за него Пётр. – А татуировка, конечно, шикарная. Только вот почему змея? Лично у меня ты совсем не ассоциируешься с этим животным.

– Это сложно объяснить. Не хочу сейчас заострять на этом внимание. – Глеб загнул рукав футболки и ещё раз посмотрел на работу Фила. – Одно скажу точно, Фил своё дело знает. Он – мастер от Бога.

– Как и ты. – Пётр похлопал его по плечу, потягивая при этом холодное пиво.

– Время покажет. – Глеб загадочно улыбнулся.

Задуманная беседа трёх друзей могла бы продолжиться до утра, если бы не неожиданный стук в мастерскую Глеба, который заставил его вздрогнуть.

– Ты ждёшь гостей? – Добрыня толкнул его плечом и рассмеялся.

– Нет, я никого сегодня не ждал.

– Может, барышня перепутала день, – вновь подколот его Добрыня.

– Я так не думаю. – Глеб встал со стула и устремился к двери. Сердце его при этом бешено колотилось. Он сделал глубокий вдох и открыл дверь. В этот

момент его удивлению не было предела. На пороге его второго дома стояла Армина. Несколько секунд он просто смотрел на неё, не говоря ни слова, а опомнившись, произнёс:

– Армина, что ты здесь делаешь? Надеюсь, дома всё в порядке?

– Да, Глеб, дома всё хорошо, не волнуйся. Извини, что пришла без предупреждения, да ещё и так поздно, но мне нужно срочно с тобой поговорить. Ждать до завтра это не может.

– Проходи. – Глеб отошёл в сторону, дав ей зайти внутрь.

Увидев Петра и Добрыню, она лишь кивнула им головой в знак приветствия, а затем вопросительно посмотрела на Глеба. Пётр и Добрыня быстро сориентировались, сославшись на неотложные дела, и, на удивление Глеба, достаточно быстро покинули помещение.

– Надеюсь, я не слишком озадачила тебя своим поздним визитом. – Армина окинула брата оценивающим взглядом.

– Нет, что ты. Я просто не ожидал, что ты придёшь. – Глеб оглядел её с головы до ног. – Почему ты в чёрном плаще? На улице невыносимо жарко. Ты не заболела?

– Со мной всё в порядке. – Армина поправила свои длинные тёмные волосы и сделала в сторону Глеба несколько плавных шагов.

– Так о чём ты хотела со мной поговорить? – Глеб не мог оторвать от неё взгляд, а всё его тело охватил жар, природу которого он прекрасно осознавал.

– Да ты весь горишь. Я думаю, что смогу потушить твой пожар. А может, как раз наоборот, разжечь ещё сильнее.

Армина не спеша развязала пояс на своём плаще, обнажив своё прекрасное девственное тело. Поняв, что Глеб еле себя сдерживает и вот-вот сорвётся, она решила дать возможность его внутреннему пожару разгореться ещё сильнее. Скинув с себя плащ, она подошла к нему вплотную и страстно поцеловала.

Армина выглядела гораздо старше своих лет. Она была умна не по годам, а её пышные формы, которые Глебу впервые довелось увидеть вживую, могли свести с ума любого мужчину.

Хоть разум и говорил ему остановиться, но тело в этот момент было ему неподвластно. Глеб страстно отвечал на её поцелуи, жадно впиваясь в её пухлые губы, а его руки бесконтрольно блуждали по её телу, не пропуская ни одного изгиба пышных форм. Он несколько раз пытался её оттолкнуть, но все его подобные порывы были подавлены страстным напором Армины. А когда последний зов разума был заглушён, Глеб взял Армину на руки и бросил на тот самый матрас, где множество молодых девушек получали небывалое наслаждение.

– Только не на этом матрасе. – В этот момент Глеб избавился от футболки, а Армина тотчас заострила свой взгляд на его правой руке. – Мы будем заниматься этим на полу, на столе, у стены, но только не на этом матрасе. А знаешь почему? – Девушка провела рукой по его татуировке. – Потому что я не такая, как они.

И Глеб ничего не смог ей возразить. Целую ночь напролёт он делал с ней то, что многим было стыдно даже представить. Сперва он хотел войти в неё нежно, но Армина сразу показала ему, что нежность ей не нужна. Она была так возбуждена, что не почувствовала и грамма боли, когда Глеб лишал её невинности. На протяжении нескольких часов они неустанно занимались любовью, сменяя при этом места и позы, наслаждаясь друг другом, как в последний день жизни.

Глава 5

На следующий день Глеб проснулся после полудня. Всё происходящее с ним было как в тумане, а голова просто раскалывалась на две части. Спустя пять минут он всё же сделал над собой усилие и заставил себя встать с матраса и одеться. Увидев на столе недопитую бутылку с водой, он, недолго думая, мгновенно её осушил. Спустя ещё несколько минут Глеб почувствовал, как жизненные силы постепенно к нему возвращаются. Он прибрался в мастерской, собрал накопившийся мусор и вышел на улицу глотнуть свежего морского

воздуха.

Идя медленными шагами в сторону набережной, он то и дело пытался восстановить события вчерашнего вечера. Глеб прекрасно помнил, как к нему в гости пришли Пётр и Добрыня, как они втроём общались и пили пиво. А потом всё было словно накрыто пеленой. Кажется, Глеб помнил, что кто-то постучался к ним в дверь, и он пошёл открывать. А дальше... Дальше он видел дивный сон с участием его сестры Армины. Глеб помнил лишь фрагменты этого сна, но от каждого такого всплывающего в его памяти фрагмента ему становилось не по себе. Глебу было стыдно от собственного сна и собственных мыслей. Он также не мог вспомнить, как ушли вчера Пётр и Добрыня и что заставило его так крепко проспать до полудня. Ведь вчера вечером Глеб выпил очень мало спиртного.

Выйдя на набережную, Глеб заметил два знакомых силуэта, стоящих неподалёку и что-то очень живо обсуждающих. Глеб сразу же признал в них Петра и Добрыню. «Вот сейчас я всё и выясню», – подумал он про себя и устремился напрямик в их сторону.

– Вы только посмотрите, кто к нам пожаловал, – рассмеялся Добрыня и поприветствовал Глеба дружеским рукопожатием. Пётр последовал его примеру.

– Привет, ребята, очень удачно, что я вас здесь встретил, а то уже собирался звонить.

– И мы очень тебе рады, – улыбка не сходила с лица Добрыни. – Итак, мы ждём подробностей.

– Дело в том, что я тоже их жду, – Глеб проницательно посмотрел на друзей. – Не поверите, ничего из вчерашних событий не помню. Проснулся после полудня с жуткой жаждой и головной болью. Хорошо хоть сегодня выходной и не надо на работу. И спиртного вчера почти не пил.

– Ну, мы тебе в этом не помощники, дружище. Я думаю, что подробности вчерашнего вечера и, соответственно, ночи тебе лучше узнать у своей сестры Армины.

– А причём тут Армина? – Глеб уставился на Петра и Добрыню во все глаза.

– Ещё как причём. – Пётр обеспокоенно посмотрел на друга. – Вчера вечером к тебе пришла Армина и сказала, что вам нужно о чём-то поговорить. Недолго думая, мы с Добрыней быстренько собрались и покинули помещение. А уж что у вас там дальше было, мы понятия не имеем.

– Можем только предполагать. – Добрыня не мог унять свою богатую фантазию.

– Уймись ты уже. – Пётр зло на него посмотрел.

– Так, значит, это был не сон, и она действительно вчера приходила ко мне. – В глазах Глеба мгновенно потемнело. Он схватился руками за голову и повернулся в сторону моря.

– Глеб, что с тобой? Она тебя чем-то напоила? – Пётр обеспокоенно положил руку ему на плечо.

– Понятия не имею. – Глеб замер, вглядываясь в морскую синеву. – Но обязательно это выясню.

Он простоял так ещё несколько минут, а когда опомнился, резко сорвался с места и произнёс:

– Мне срочно нужно всё прояснить. Я домой.

– Вечером-то увидимся? – крикнул ему вслед удивлённый Добрыня.

– Не знаю. Если что, я позвоню.

Глеб уже скрылся из виду, а ребята ещё какое-то время стояли на одном месте и смотрели ему вслед, всем своим видом выражая недоумение.

– Ты что-нибудь понимаешь? – обратился к Петру Добрыня через некоторое время.

– Пока нет. Но думаю, что вскоре мы всё обязательно выясним.

* * *

Ранним утром того же дня Армина шла по набережной медленными шагами. Она не любила море и солнце, но именно сегодня ей почему-то захотелось сесть на скамейку, вдохнуть полной грудью утренний морской воздух и, не отрывая глаз, смотреть на море. В голове у неё то и дело повторялись события прошлой ночи. Она была и счастлива, и напугана одновременно. С одной стороны, Армина не могла поверить, что то, о чём она ранее и мечтать не смела, всё-таки осуществилось, да причём так скоро. Глеб принадлежал ей всю ночь. Он желал её так же, как и она его. На несколько волшебных часов они слились воедино, и никто и ничто не существовали для них в эти моменты. Но, с другой стороны, Армину не покидала мысль о том, что события прошлой ночи не что иное, как любовный приворот её матери, который должен был принести их семье и их роду определённый результат. Но она не хотела об этом думать. Единственное, чего ей сейчас хотелось, – это забыться, пускай даже на короткое время.

Армина села на скамейку и полностью растворилась в своих мыслях, переживая любовное соитие с Глебом вновь и вновь. Девушка не знала, сколько она просидела в состоянии забытья на скамейке – может, несколько минут, а может, несколько часов. Но когда она очнулась, то обнаружила, что сидит не одна – на скамейке был кое-кто ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_alisa/mechenye

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)